

Тень в зеркале

Автор:

Екатерина Неволина

Тень в зеркале

Екатерина Александровна Неволина

Кто она, эта блондинка в зеркале, девушка, попавшая в аварию и потерявшая память? Если верить окружающим – Мика, единственная и любимая дочь богача Санева. А если не верить? Если больше, чем чужие слова, говорят сны и видения? Если заботливые родные кажутся чужими, а к недоброжелательному незнакомцу душа тянется так, словно они связаны крепкой нитью?

Девушка в зеркале не уверена ни в чем, кроме своего желания найти ответы на вопросы, от которых зависит не только ее жизнь. И не только эта жизнь...

Екатерина Неволина

Тень в зеркале

Часть 1

Мика

- Ты в порядке? Мика? Ответь! Мика!

Голос в пустоте приблизился, гулом отдаваясь в ушах и заполняя все мое существо. Больно!

Мне не хочется открывать глаза, но все же тяжелые ресницы с трудом поднимаются, и безжалостно резкий свет бьет в зрачки, на несколько мгновений лишая возможности видеть. Белое сияние. Это смерть? Посмертие? Непонятно.

– Мика!

Кажется, зовут меня. Значит, это мое имя. Что значит Мика? Миша? Микита? Микола? Мила? Микаэла? Мишель?

Я вообще кто?

Промаргиваюсь, еще не до конца привыкнув к свету, но уже смирившись с ним, наконец, могу различить наклонившееся надо мной лицо. Мужчина – темноволосый, приятный, лет, может, сорока, трудно сказать. В его глазах – напряженное беспокойство.

Кто он мне?

Белоснежный высокий потолок над головой не дает никакого ответа.

– Мика, ну, слава Богу! – мужчина вздыхает, но беспокойство никуда не девается. Наоборот, напряжение усиливается.

Кто я ему?

И кто я вообще? Мальчик? Девочка? Да кто называет людей такими безликими именами?! Так и вижу себя на ток-шоу под светом софитов: «Здравствуйте, меня зовут Мика, и я не знаю, кто я».

Забавно: я не знаю, кто я, но знаю про ток-шоу.

Думать тяжело. В голове – туман. Пробираюсь сквозь него с трудом.

Кстати, собственного тела я не чувствую. На миг меня охватывает паника: что, если его вообще нет? Что, если от меня осталась одна голова?! Такое было в какой-то книге. Но, скосив взгляд, я убеждаюсь, что под одеялом виднеются контуры тела, а к лежащей на кровати нереально тонкой руке прикреплены какие-то медицинские приборы. Рядом стоят капельницы, пикает монитор...

Я – в больнице. Что же, это многое объясняет.

Хорошо, что хоть тело есть!...Но вдруг оно парализовано? Пытаюсь пошевелиться, и в первый момент мне это не удается, но вот ощущаю под одеялом легкую дрожь, а рука слабо шевелит пальцами.

Ну, здравствуйте! Итак, я существую. Я живу. И меня зовут Мика, что бы это ни значило.

Наклонившийся надо мной мужчина молчит, все так же пристально, с отчаянным беспокойством вглядывается в мое лицо. Если я девочка, он может быть моим возлюбленным, хотя вариант с отцом универсальней и подходит для обоих полов.

Теперь я, кстати, ощущаю, легкий запах его парфюма – что-то туманно-свежее, тоже не говорящее мне абсолютно ничего.

И тут в голову приходит очевидное решение: нужно просто заговорить! По голосу-то я определю хотя бы свою половую принадлежность. Разжать губы оказывается непросто – их словно смазали клеем, приходится едва ли не отдирать кожу.

– Я... Что слу...чилось?

Голос хриплый, надломленный. Чужой. Непонятной гендерной принадлежности.

У меня чужое, незнакомое мне имя и совершенно чужой голос. И абсолютная каша в голове, словно мозги прокрутили через мясорубку (я знаю, что такое мясорубка!) и поджарили на медленном огне (я – повар?).

Поздравляю! Вот уж действительно материал для ток-шоу.

– Мика, деточка, не напрягайся! Тебе нужно восстановить силы, – мужчина заботливо касается моей руки, бережно поглаживает пальцы, потом кладет руку на лоб.

Его прикосновения очень легкие, в целом, наверное, приятные. Я ощущаю тепло и понимаю, что рука, оказывается, замерзла. И все-таки он не похож на возлюбленного и называет меня деточкой. Ага, значит отец... Ну, так лучше.

– Ты что-нибудь помнишь? – в его глазах все то же пронзительное беспокойство.

Отвечать нет сил, и я только качаю головой. Голова, кстати, кружится.

– Бедная моя девочка!

Девочка! Выходит, я девочка. О сколько же открытий чудных... или совсем не чудных?..

– Ты попала в аварию. Но ничего, все уже хорошо. Отдыхай. Главное – просто отдыхай.

И я закрываю глаза.

По-моему, на сегодня я узнала (теперь я даже могу говорить о себе в определенном роде!) вполне достаточно.

Глава 1

Возвращение

Когда я снова проснулась, туман в голове слегка развеялся. По крайней мере, я уже смогла опознать в нем отдельные предметы. Знакомая палата, вновь залитая солнцем, словно здесь стоит вечный полдень, тихое попискивание приборов, легкий запах лекарств, самоидентификация в качестве объекта женского рода. Судя по всему, я молода, хотя уже вполне взрослая. Ничего не

болит. Выгляжу целой, да и пошевелиться на этот раз удалось без труда.

Все в палате выглядит аккуратным и милым, а на столике в высокой вазе стоят белые крупные розы.

В поле моего зрения появляется добродушный врач с седой бородкой клинышком и круглыми очками, как у Чехова. Одно его присутствие внушает спокойствие.

– Очнулась! Какая молодец, – доктор поощрительно улыбнулся. – Я – твой лечащий врач Владимир Степанович Кузнецов.

То же имя написано у него на бейджике. Слишком безличное имя для такого милого доктора.

– Ну, как мы себя сегодня чувствуем? – спросил он, усевшись на стул у моего изголовья.

Я невольно улыбнулась. Хорошо, что он заговорил со мной не вчера, иначе я бы вполне могла подумать, что меня и вправду много. Что я – чудовище наподобие пчелиного улья, наделенное общим разумом.

– Что случилось? Что со мной? – и слова на этот раз дались гораздо легче, словно горло обработали высококачественной смазкой, и оно снова может функционировать. Голос, кстати, вполне себе женский, мелодичный. Мне нравится. Надо будет подольше поговорить, чтобы послушать.

– Полный порядок, – добрый доктор улыбнулся, и я сообразила, что он похож не столько на Чехова, сколько на Айболита из детской книжки. – Никаких серьезных травм. Пара ушибов, пришлось вправить сустав, но до свадьбы – точно заживет... Ты помнишь аварию, Мика?

Он с надеждой пристально посмотрел на меня, но мне пришлось его разочаровать:

– Нет...

Болела голова. Может быть, поэтому мир вокруг казался странным.

- Сколько ты видишь пальцев?

- Три, - ответила я. Со зрением у меня все в порядке. Уже плюс.

- Какое сегодня число?

Нет ответа.

- Сколько тебе лет?

Нет ответа.

- Как тебя зовут.

- Ми... - я замолкаю.

- Ну? - он поощрительно улыбнулся. - Ты помнишь свои имя и фамилию?

Я опустила глаза.

- Ты помнишь свою семью? Твой отец был здесь вчера, - настаивал доктор.

Ничего этого я не помнила.

- Не страшно, - Владимир Степанович улыбнулся и, как вчера отец, погладил меня по пальцам. - Постепенно ты придешь в себя. Ничего страшного - иногда человеческий организм дает именно такую реакцию на стресс. Знаешь, что мы сделаем? - он заговорщицки подмигнул, и яркое солнце бликом отразилось в стекле его очков. - Мы сегодня же отвезем тебя домой. Нет необходимости валяться в больнице совершенно здоровой и крепкой девушке. Освобождай место настоящим больным, а дома, среди родных, вспомнишь все быстрее, Люда.

- Люда? - удивленно переспросила я.

– По паспорту – Людмила Вячеславовна Санева, но, знаю, знаю, – он махнул рукой с пухлыми, какими-то очень уютными пальцами, – ты не любишь это имя, Мика. Больше не буду называть тебя Людой, честное слово!

Прислушалась к себе и снова не получила никакого отклика. Имя Люда не вызвало отторжения и оставило меня абсолютно равнодушной. Выходит, пока что мне все равно, как меня зовут – Микой или Людой.

– Ну вот, Мика, – доктор встал, блеснув очками, – мы будем с тобой еще встречаться, но уже на твоей территории. Надеюсь, память вскоре к тебе вернется. Главное – не торопить события. Все должно происходить плавно, само собой. Понимаешь?

Я дернула головой, обозначая кивок.

– Сейчас медсестра принесет твои вещи и поможет одеться. За тобой приедут через час.

Он направился к двери.

– Пойдите! – крикнула я, может быть, излишне громко. Мой голос прозвучал очень одиноко и как-то жалко в белоснежной аккуратности палаты. – Пойдите! А можно мне... зеркало?

Доктор повернулся ко мне, сияя улыбкой.

– Ну, Мика, ты идешь на поправку! Признаться, я ждал этого вопроса. Верочка! – крикнул Владимир Степанович в сторону двери, которая тут же открылась, и в палату заглянула медсестра с розовым круглощеким лицом – какая-то очень сладкая, почти приторная, как безе. – Верочка, позаботься, пожалуйста, о нашей гостье. И принеси ей зеркало...

«Гостье»? Мне казалось, что в больницах употребляют какое-то другое слово.

Медсестра кивнула и скрылась, а врач снова обернулся ко мне:

– Пожалуйста, не нервничай, Мика, и не спеши. Все придет в свое время. Знаешь же, что в родном доме и стены помогают. А сейчас, милая барышня, я на время действительно с тобой прощаюсь.

Он вышел из палаты, в которую тут же вернулась Верочка.

– Отлично выглядите, – сказала она, ловко вытаскивая из моей вены иглу. – Это укрепляющий состав. Покапали вам витаминчиков, чтобы вы себя хорошо чувствовали. Знаете, ваши родители очень вас любят. Не все так заботятся о дочери. Конечно, не у всех есть такие возможности...

От ее болтовни у меня закружилась голова. Тем временем Верочка помогла мне приподняться и сесть, откинувшись на подушку, потом протянула довольно большое зеркало, оказавшееся неожиданно легким. Я приняла его, но никак не решалась посмотреть на отражение.

– Вам не холодно? От кондиционера не дует? Ничего не болит? – засыпала меня вопросами медсестра.

А я все ждала, когда же она уйдет. Наконец, она, кажется, сообразила и отступила к двери.

– Около кровати кнопка. Видите? Нажмите ее, если я вам понадобится, – привычно зачастила она. – А я пока за вещами схожу. Хорошо?

Я кивнула, и дверь закрылась.

Еще несколько минут я переводила дыхание и все не могла собраться с силами. Теперь у меня есть имя и вот-вот должна появиться внешность. Какой она окажется? Какая я? Что, если я себя не узнаю?

Моя рука с зеркалом слегка дрожала. Первый взгляд был мимолетным и выхватил лишь светлые волосы и белое пятно лица с ужасным, как на картине какого-то художника, провалом рта. Сердце болезненно сжалось в комок, словно смятая фольга. Что, если я урод?

Я опустила, но вновь подняла зеркало, ругая себя за трусость. Как будто нерешительность могла спасти меня от реальности и позволить переиграть все в свою пользу.

Второй взгляд на отражение принес облегчение.

Вполне себе человеческое лицо.

Поднеся зеркало поближе, я вгляделась в себя. Лицо узкое, бледное. На скуле уже зажившая ссадина, обрамленная легкой синевой, на лбу наклеен пластырь. Больше никаких признаков катастрофы. Лицо, в целом, приятное. Нос слегка длинноват, но не до уродливости. Глаза серые. Волосы светлые, до плеч, искрятся в льющемся из окна солнечном свете. Кажется, я привыкла о себе заботиться.

Сколько мне лет – вопрос. Похоже, двадцать с небольшим. Может, меньше.

Дальнейший осмотр выявил небольшую родинку в нижней трети щеки, еще один потемневший синяк на плече и гематому области локтя, а также худощавую фигуру со слегка впалым животом и вроде приличными ногами. На мне оказалась тонкая ночнушка цвета топленого молока и точно такие же трусики. Меня здесь переодевали? Наверняка. Все выглядит новым. Постельное белье, кстати, тоже оказалось безупречным – белоснежное, мягкое, приятно гладкое на ощупь.

Вероятно, палата, в которой я лежала, была элитной. Вытащив розу из вазочки, стоящей рядом, я понюхала цветок и с разочарованием опустила обратно: не пахнет. Это почему-то ужасно меня огорчило, словно мне подсунули подделку.

Что там говорила Верочка? Кажется, что-то про то, что родители меня любят и, видимо, мы богаты, если можем позволить себе такие хорошие условия.

Но, кстати, где же эти любящие родители? Вчера папа приходил один. Наверное, у меня есть мама? Почему ее не было рядом?

Вопросов пока оказалось значительно больше, чем ответов.

Я снова подняла зеркало и посмотрела на симпатичное, но абсолютно незнакомое мне лицо.

И снова здравствуйте. Меня зовут Мика, и я не знаю о себе абсолютно ничего.

Верочка вернулась минут через тридцать, видимо, дав мне время хоть немного, насколько это возможно в моем положении, прийти в себя. Я даже приняла душ – ванная, где на полочке высился целый ряд всевозможных флакончиков, а на крючке висел белый махровый халат, конечно же, в моей шикарной палате была. Так что я не только помылась и почистила зубы абсолютно новенькой зубной щеткой, но и не без удовольствия намазала тело ароматным молочком, сладко пахнущим ванилью. Гель для душа и шампунь тоже, кстати, были из этой же серии. Я любила ваниль? Или это просто стандартный набор?

Опять вопросы. Честно говоря, я от них уже серьезно устала.

Верочка принесла мне одежду, состоящую из джинсов и футболки, свежее белье и удобные туфли. Я посмотрела на их подошву. Похоже, их надевали раз или два. Вывернув карманы, я убедилась, что они пусты.

– Меня привезли сюда в этом? – спросила я.

– Что? – Верочка хлопнула глазами.

– Во время аварии я была в этих вещах?

– Да... Нет... – она явно растерялась.

Как странно!

– Я не знаю, я заступила на пост только сегодня, – призналась, наконец, она.

Ну что же, это действительно многое объясняет.

Она помогла мне одеться, словно я была маленьким ребенком, не умеющим выполнять простейшие операции. Может, память мне и изменила, однако уж одеваться я, слава богу, не разучилась.

– Почему вы сказали, что родители меня любят? – спросила я, пока она расчесывала мои волосы.

Мне хотелось услышать, что они ждут меня там, за дверью. Но Верочка лишь захлопала глазами.

– Разве это не видно? – спросила она, неопровержимо свидетельствуя, что элитность места не гарантирует высоких умственных способностей персонала. – У нас лучшая частная клиника в Москве. Самая дорогая. А у вас еще лучшая палата и...

Она замолчала, потому что в дверь постучали, и в комнате появился высокий широкоплечий мужчина, казалось, занявший все ее немаленькое пространство. Некрасивый, с лицом, напоминающим брусчатую мостовую.

– Добрый день, Мика. Хорошо, что ты готова, – без колебаний обратился он ко мне. – Меня зовут Владимир, я работаю на твоего отца. Вячеслав Александрович велел привезти тебя незамедлительно, пока не набежали журналисты.

Кажется, сюрпризов будет даже больше, чем я ожидала. Моя скромная персона интересует журналистов? Или, вернее, их интересует персона моего отца? Верочка права. Похоже, Вячеслав Александрович Санев далеко не прост.

Все происходило, на мой взгляд, слишком быстро. Никаких бюрократических процедур. Пять минут – и добрый доктор Айболит уже сделал мне ручкой, напомнив о перспективах ближайшей встречи, и мы с Владимиром, не зря носящим имя былинного богатыря, оказались на крыльце.

– Наденьте, – он протянул мне бейсболку и сам надвинул козырек пониже. – Мало ли... Эти... везде просочатся.

И он оказался прав, потому что у ворот я заметила небольшую толпу, в которой можно было различить человека с камерой. Нас, похоже, не заметили, вот

только когда мы уже садились в машину – разумеется, большую и черную, – какой-то щуплый молодой человек в синей футболке, сумевший пробраться на территорию больницы, все же успел меня сфотографировать.

Пора начинать чувствовать себя звездой? А не рановато ли?

– Почему папа не приехал за мной сам? – спросила я, пока машина вырulingала из задних ворот.

– Он слишком заметная фигура, – ответил Владимир, сосредоточенно глядя перед собой. – И без того журналисты лезут во все щели. Хуже тараканов, честное слово. Сколько ни бейся, все равно все разнюхают, – он махнул рукой и включил музыку, должно быть, для того, чтобы не продолжать разговор.

Я больше ни о чем не спрашивала, только смотрела в окно.

Больница находилась в каком-то тихом зеленом районе. Затем мы въехали на кольцевую, забитую машинами в любое время дня. Владимир ловко маневрировал между ними, а я задремала на своем заднем сиденье и очнулась только в тот момент, когда мы остановились перед огромными чугунными воротами.

– Ну, вот вы и дома, – объявил Владимир.

* * *

Красноярск, сентябрь, 1913 год

Порыв холодного ветра пробирал до костей, а ноги в тонких ботиночках, кажется, превратились в ледышки. Лиза поежилась, невольно подумав, что в Москве сейчас теплее, и тут же рассердилась на себя. Разве можно думать о таких пустяках, когда батюшка лишь недавно упокоился в земле, а ее собственная судьба оказалась подвешена на волоске.

Резкий паровозный гудок показался девушке сигналом Иерихонской трубы. Лиза вздрогнула. Жирный столб дыма поднялся в воздух, поезд натужно запыхтел, захрипел. Даже перрон под ногами мелко-мелко завибрировал вслед за чугунной

махиной.

– Ну что ты, Лизочка, – дядя обнял ее.

От него остро пахло табаком. Отец не курил – берег слабое сердце, поэтому запах дяди, к которому Елизавета за всю неделю так и не привыкла, казался чужим и почему-то немного опасным.

– Бедная моя сиротиночка, – дядя потрепал девушку по плечу. – Ничего, не беспокойся, я о тебе позабочусь...

Она могла не поднимать голову, по тону и так было понятно, что в этот миг дядя смотрит на батюшкиного поверенного Афанасия Михайловича, с которым Лиза и приехала в Красноярск. Выезжая из Москвы, она надеялась, что на батюшкиной родине станет легче, а встреча с родичами принесет тепло и уют. Но все вышло совсем не так. И встреча какая-то холодная, и дом слишком большой, безликий... но хуже всего, что дядюшка и папин поверенный беспрестанно ругались. Не при Лизе, конечно, но несколько раз она слышала обрывки разговоров, замирающих при ее появлении, замечала, какими взглядами обмениваются мужчины. И тетушка, ей казалось, была не очень рада гостям. Чужая... незваная... такой Лиза почувствовала себя в дядином доме. И маялась, понимая свою ненужность, и не знала, чем себя занять. Большею частью так и просидела в своей комнате, даже город почти не посмотрела. А ведь именно здесь родился батюшка, здесь находятся его заводы, отсюда благосостояние семьи Вагановых и проистекает...

Лиза не представляла, что ей делать, но вот Афанасий Михайлович, который так звал ее в Красноярск, вдруг говорит, что ей лучше уехать. Пусть, мол, отправится пока с Наташей в Санкт-Петербург, под крыло матушкиной сестры, а он сам со всеми делами разберется.

– Поезжайте спокойно, барышня, – проговорил Афанасий Михайлович, прокашлявшись – видимо, и его просквозило на вольном северном ветру. – Я уж о ваших интересах похлопочу. Как прибудете в Санкт-Петербург, сразу же дайте телеграмму.

Поверенному отец доверял, и Лиза его слушалась.

Дядя хмыкнул, и девушка едва не заплакала. Ну вот, даже в день ее отъезда они продолжают ссориться. Ах, не стоило ей приезжать и вносить разлад. Ничего-то ей не удастся. Она вздохнула и, подняв голову, встретилась с насмешливым взглядом серых, словно стальных глаз. Молодой темноволосый франт нагло смотрел прямо на нее, улыбаясь одним уголком рта, окаймленного модными тонкими усиками. Щеки тут же предательски вспыхнули, а молодой человек уже скрылся в вагоне.

– Благодарю вас, дядя за... за теплый прием, – пробормотала Лиза, приседая, словно в пансионе. – Пожалуйста, не сердчайте, ежели что не так.

– Да как же на тебя сердчать, голубка ты моя сердечная, – дядя покачал головой и умильно посмотрел на племянницу. – Ты же аки ангел небесный, данный мне на утешение да в память о возлюбленном брате. Поезжай, но помни, что здесь у тебя есть свой дом и любящая тебя семья! Накрепко запомни это!.. А то бы осталась?..

Лиза опустила глаза, теребя спрятанный в раструб перчатки картонный прямоугольник билета.

– Ну что же, – дядя повернулся к Наташе. – Смотри у меня! Чтобы с барышни глаз не спускала! Все, как я тебе велел! Чтобы у голубки моей волосочек с головы не упал! Поняла?

– Все помню, Павел Силантьевич, – компаньонка стрельнула на Лизу быстрым взглядом. – Все сделаю, как вы велели. Не извольте беспокоиться. Уж она-то у меня будет досмотрена в лучшем виде. В точности по вашему указанию.

Лиза промолчала. Иногда ей казалось, что бойкой Наташе больше пристало быть богатой наследницей. Ее бы не смутили ничьи взгляды или слова. Да и по внешности Наташа, что уж скрывать, не ей чета. Высокая, румяная, с отчаянными зелеными глазами. Лиза не раз замечала, что на улицах молодые люди больше смотрят на Наташку. Она сама на фоне компаньонки словно пропадает, как бледная моль рядом с пестрой бабочкой.

– Ну, тогда с Богом! – дядя трижды облобызал племянницу и сунул проводнику, почтительно застывшему у ступенек, какие-то деньги.

Батюшкин поверенный совсем по-семейному поцеловал ее в лоб и перекрестил.

Поезд снова загудел. Лиза споткнулась и едва не наткнулась на другого молодого человека.

– Простите, ради Бога! – проговорили они хором, и оба растерялись.

На вид ему едва исполнилось двадцать. Худощавый, одет очень скромно, скорее бедно, он казался взволнованным, немного чужим здесь что ли. Русые волосы, топорщащиеся мягкими завитками, придавали незнакомцу почти мальчишечий вид, а на щеках вспыхнули пятна румянца. Судя по одежде, студент. Может, и из небогатых, но путешествует с комфортом.

Дядя кашлянул, и молодой человек вдруг втянул голову в плечи, еще раз пробормотал извинения и поспешил к вагону, таща ощутимо тяжелый саквояж.

– Вам помочь, барин? – обратился к нему плечистый носильщик.

– Я сам, – поспешно отозвался студент. – Там... образцы.

Носильщик равнодушно отвернулся, а Лиза подумала: интересно, студент тащит свое добро сам из экономии или и вправду у него с собой что-то ценное?

– Ты только, Лизочка, с шалопаями связываться не вздумай, – напутствовал дядя, многозначительно посмотрев вслед Лизиному попутчику.

– Нет, что вы, дядюшка! – девушка с досадой почувствовала, что снова краснеет.

Наташа взглянула на хозяйку и едва заметно усмехнулась.

Лизе было отчаянно стыдно. Во-первых, оттого, что она забивает себе голову всякой ерундой, а во-вторых, всякому ясно, что при Наташе никакой нормальный молодой человек, шалопай он или нет, на Лизу второй раз не взглянет. Разве вдруг услышит, что капиталец за ней водится.

Девушка протянула проводнику билет и поднялась в вагон. В Красноярске ей было неуютно. За недолгое время она так и не успела узнать, а значит,

полюбить этот город. Он казался очень новым и каким-то большим, пустым. Один раз дядюшка сводил Лизу в кинотеатр. Это было очень необычно – смотреть на движущуюся картинку. Настоящее чудо. «За этим будущее», – сказал им хозяин, Василий Алексеевич, с поклоном встретивший дорогих гостей на пороге «Патеграфа», однако в глубине души Лиза с ним не соглашалась. Конечно, выглядит волшебно, но движущиеся картинки – это просто движущиеся картинки. Что еще можно тут придумать? Смотреть на них весело, но они плоские и никак не похожи на обычную жизнь, полную звуков и красок. Какое будущее – просто развлечение, насмотрятся и забудут. Хотя, если честно, Лиза сама вздрагивала, видя идущий на нее поезд... Гораздо больше ей понравился Енисей. Эта река не была похожа ни на какую другую – огромная, мощная, просто оглушительная. В ней, казалось, больше жизни, чем во всем Красноярске вместе взятом...

Ну что же, прощай, город, так и не ставший родным.

Ветер швырнул ей в лицо сухой лист, словно последний привет от так и не познанного, оставшегося чужим родного края. Лиза поймала это приношение и уже с ним шагнула в вагон.

Проходя по тамбуру, в открытой двери купе она снова заметила франта. И опять ей показалось, что он нагло ее разглядывает. Может, встречались в Москве или в Петербурге? Вряд ли. Его бы она запомнила, это точно. Смущенная, Лиза постаралась идти быстрее.

– Какой красавец-то! – тихо проговорила бойкая Наташка.

– Глупости, – отозвалась Лиза и нырнула в свое купе, словно испуганный зайчонок в норку в поисках спасения.

Лиза сняла шляпу и расположилась на мягком сидении у окна. На столике перед ней стояла в вазочке роза на тоненьком стебельке, какая-то трогательно-хрупкая. В купе едва ощутимо витал сладко-горький цветочный запах.

Откуда роза? Возможно, их ставит в купе первого класса железнодорожная компания, приветствуя пассажиров? Хотя девушка не помнила, чтобы роза находилась в ее купе, когда они ехали сюда. Она хотела спросить у Наташи, но

та деловито искала что-то в чемодане, и Лиза сочла за благо промолчать. Компаньонка немного подавляла ее своей энергией, излишней болтливостью, да и красотой, что уж тут скрывать. Один раз Лиза застала Наташу в своей спальне за примеркой гарнитура украшений, подаренных батюшкой на шестнадцатилетие. Бойкая компаньонка на миг даже смутилась, хотя хозяйка со странным чувством отметила, что бриллианты идут яркой Наташе гораздо больше, чем ей самой.

Поезд вздрогнул, как просыпающийся большой зверь, покачнулся и тронулся.

Странно представить, что еще каких-нибудь полвека назад никаких поездов здесь не было, а дорога от Москвы до Красноярска казалась бесконечной, потому что приходилось добираться на извозчиках, останавливаясь на станциях, претерпевая многие трудности, так что путь этот оказывался по плечу далеко не многим. А женщины на него и вовсе решались только по очень большой надобности, как жены тех мятежников, что восстали на Сенатской площади. Лиза не слишком разбиралась в политике, однако сам поступок казался ей очень романтичным. Хотелось бы и ей когда-нибудь встретить человека, за которым можно последовать куда угодно, на самый край земли. Это даже хорошо, если придется чем-то жертвовать, потому что какая же настоящая любовь без жертв?

Афанасий Михайлович и дядя замахали руками, оставаясь позади на все удаляющемся перроне...

Поезд медленно набирал ход, устремляясь навстречу новой, неизведанной жизни.

Да, теперь Лизина жизнь изменится. Под прошлым подведена жирная черта, тяжелой землей упавшая на отцовский гроб. Был такой Петр Силантьевич Ваганов – и нет его. Выезжайте, Елизавета Петровна, сама, как знаете. А что она знает? Ничего. Одна теперь на всем свете, и даже Афанасий Михайлович далеко. Остался улаживать непонятные дела с дядей. Может, и ей все же следовало задержаться в Красноярске?.. Да, прием показался холодным, и жена дядюшкина женщина чужая, неразговорчивая, и двоюродный брат Василий грубый юнец, не приученный к правильному обращению, как сама Лиза... Но ведь и она, надо признать, свалилась им, как снег на голову. Сколько лет не виделись! Не нужно было, наверное, сразу ожидать тепла да радости. «Ты, Лизок, больше на себя рассчитывай, на людей не смотри. Не больно-то они ради тебя жилы рвать будут», – поучал отец. Вот он действительно был сильным. Он

сумел вовремя поднажать и разумно распорядиться собранным еще его отцом капиталом, построить заводы, перебраться в Москву и оттуда продолжать бурную деятельность, заключая контракты, бесконечно крутясь между Москвой и столицей. А брата посадил в Красноярске надзирать за всем на месте. И ведь все так хорошо шло! «У тебя, Лизок, большое приданое. Главное – чтобы муж нашелся дельный, не транжира. Но уж об этом, не беспокойся, я позабочусь». Не позаботился. Не успел...

Мерный стук колес нагонял покой, и беспокойство потихоньку таяло, точно снег, пригретый первым весенним солнышком. Может, и обойдется все.

Глава 2

Новый старый дом

Дом был просто огромный – трехэтажный, со стеклянными вставками во всю стену, с подземной парковкой, коваными лестницами и бесконечными лабиринтами комнат.

Он казался ожившей картинкой, и я почему-то ожидала, что перед входом меня будет встречать вереница слуг и горничных в белых передничках. Но, когда дверь автомобиля распахнулась, я увидела всего двоих – мужчину и женщину. Наверное, нужно сказать «моего отца и мать», но я еще не привыкла к этим словам. Отца я уже видела, только отметила, что одет он довольно просто – в мягкие темные брюки и светлую футболку без всяких принтов, зато стоящая рядом с ним женщина казалась иконой стиля – видно, что уже немолодая, но на лице – ни одной морщины. Светлые волосы уложены в аккуратную прическу, платье чуть ниже колен, подчеркивающее фигуру, темно-синее, очень элегантное, на ногах – туфли без каблука.

Я остановилась, не зная, что делать дальше, а встречающие тоже просто смотрели на меня, будто не узнавали.

– Мика, ну что же ты стоишь! – отец, наконец, шагнул ко мне и обнял. – Мы очень за тебя переживали. Как ты?

- Хорошо, - я и не представляла, что говорить.

- Ну иди же, обними маму, - отец похлопал меня по плечу.

Было страшно обнимать эту красивую женщину. Это казалось чем-то вроде объятий со снеговиком.

«Все понятно. Мама меня никогда не любила. Вот поэтому она и не приехала в больницу. Вот поэтому я и не рада вспоминать ту жизнь», - мелькнуло в голове.

- С возвращением, - голос моей матери был таким же холодным, как и ее объятия. - Нам очень тебя доставало.

- Все прошло хорошо? - отец посмотрел на моего сопровождающего.

- Вы правильно приняли меры. У ворот были журналисты, - отрапортовал тот.

- Ты не испугалась? - отец с тревогой посмотрел на меня.

- Нет, - я равнодушно пожала плечами и не стала говорить про того типа, который меня сфотографировал. Пожалуй, они будут не рады. Может, они вообще меня стыдятся? Что за авария, в которую я попала? Что, если перед этим я задавила кого-нибудь, а потеря памяти - попытка устранить неприятные воспоминания. Может такое быть? И совесть, и память дружно молчали. А значит, может быть все, что угодно. С равной вероятностью.

- Ну что же мы стоим? - отец легко подтолкнул меня в спину. - Пойдем в дом. Лена проводит тебя в твою комнату.

Из дверей тут же появилась немолодая женщина с аккуратно убранными волосами. Хотя на ней не было белого передничка, ее положение в этом доме считывалось весьма однозначно.

Я посмотрела на маму. Она не удостоила меня взглядом.

С ума сойти! Я даже не знаю, как ее зовут. Как бы выяснить, что произошло между ними?

Лена – что-то вроде горничной, или как там их сейчас называют, – проводила меня в комнату на третьем этаже. Очень красивую, надо признаться, комнату. Первым делом взгляд падал на панорамное окно, занимающее все пространство от потолка до пола. В комнате имелись зона гостиной с низким диваном и огромным экраном телевизора, спальня, расположенная в нише, а также ванна с туалетом и гардеробная.

В комнате царил идеальный порядок и... не видно было ничего, что могло бы рассказать обо мне – ни брошенной книги, ни царапины на окрашенной в светло-бежевые тона стене. Пустота и холод.

– Я здесь жила? – решила я на вопрос.

– Когда-то давно, – ответила горничная.

– Давно? – я нахмурилась.

Что, если я сбежала из дома и не виделась с родителями все это время? И они нашли меня вот сейчас, после аварии. Это, кстати, и объясняет интерес журналистов.

– Вы с одиннадцати лет учились в Англии, – ответила Лена, мраморным изваянием застывшая на пороге моей нежилой комнаты.

Я разговариваю по-английски? – удивилась я. И тут же поняла, что разговариваю. Стоило возникнуть потребности, как в голове, словно по щелчку, выстроились четкие цепочки слов.

– Я знаю, что вы потеряли память. Очень сочувствую. Надеюсь, что вскоре все образуется, – продолжала между тем Лена.

Конечно, и она не испытывала ко мне теплых чувств. Выходит, для всех в этом доме, кроме отца, я была фактически чужим человеком. А, кстати, может, моя мать мне вовсе и не мать, а мачеха. Тоже вполне вероятно. Правда, она не так молода. Обычно богатые мужчины меняют старых жен на молоденьких, как и машины, побывавшие в употреблении некоторое время.

Подумав об этом, я усмехнулась: сама ничего о себе не помню, а туда же – берусь рассуждать.

– Вам нужно что-нибудь? – напомнила о себе горничная.

А я уже успела о ней забыть...

В комнате пахло ванилью. В ванной на полочке тоже стояли пузырьки с ванильным ароматом. Может, я и любила когда-то этот запах, но сейчас он вызвал во мне внезапное раздражение, своей мягкой удушливостью напоминая тихого убийцу.

– Почему здесь ваниль? – я обернулась к горничной.

Та явно растерялась от этого вопроса.

– У вас нет ничего другого? – я уже едва сдерживалась. Чужое лицо в зеркале, чужое имя, чужой дом и еще этот невозможный чужой запах выводили меня из равновесия, а напряжение, в котором я пребывала, требовало хоть какого-то выплеска. – Вы можете унести это?

Горничная отступила.

– Сейчас, – она быстро, оглядываясь на меня, собрала флакончики и приоткрыла окно, впуская в комнату свежий воздух.

Оставшись одна, я тяжело опустилась на кровать и до боли сжала руками виски. Что со мной происходит? Да есть ли эта «я»? Сама себе я напоминала пустую пластмассовую куклу.

Нет, пора успокоить нервы, пока меня не отправили в психушку. Все хорошо. Это мой дом, пусть я и покинула его давно. У меня здесь нет врагов. А память, как и обещал доктор, вернется. Нужно просто подождать, проявить терпение и не срывать по пустякам. Я медленно втянула носом воздух и выпустила его через рот.

Итак, прежде всего надо извиниться перед Леной и попытаться наладить с ней хорошие отношения. Мне очень даже не помешает поддержка.

Я приоткрыла дверь, собираясь выйти из комнаты, когда услышала разговор.

– Так она и сказала? – переспрашивал незнакомый мне женский голос.

– Да, – подтвердила Лена. – И не представляешь, с какими барскими интонациями. Мол, поторопись, плебейка.

– Ну, знаешь, ничего неожиданного, – ответила собеседница. – Тамара рассказывала, что в детстве она бросала котят в бассейн, чтобы посмотреть, выживут ли они. Так что неудивительно, что из нее выросло то, что выросло.

Я тихо закрыла дверь.

Вот и прошлое, которое я надеялась вспомнить. В детстве я была живодером и топила котят, поэтому ничего хорошего от меня не ждут.

Здравствуй, мое светлое прошлое. Надеюсь, ты никогда ко мне не вернешься.

Я сидела в самом углу удобного низкого дивана и пялилась в неработающий экран телевизора. У меня не было воспоминаний, наверное, потому и мысли в голове ползли медленно, неторопливо, как толстые зеленые гусеницы по листку. Что, если эта авария – мой второй шанс? Не всем дано начать жизнь заново, с чистого листа. Зачем привязываться к тому, что было? Можно считать, что я умерла и родилась вновь. А прошлое лучше не вспоминать, не думать о нем, не оглядываться.

На душе стало значительно легче, и, повеселев, я отправилась в гардеробную. Тут по обеим сторонам размещались выдвижные вешалки. Вещей было немного, однако все они оказались брендовыми. Я с удовольствием примерила платье, словно сшитое из множества цветных лоскутков, нежно облегающее фигуру. Немного дерзкое и вместе с тем очень трогательное благодаря кружевному воротничку. Пряжка на ремне была в виде буквы D в соответствии с маркой. В той жизни, о которой я не хотела вспоминать, я, вероятно, привыкла к подобным

вещам, но сейчас, залюбовавшись собой, улыбнулась.

На туалетном столике нашлось множество средств, способных составить славу небольшому косметическому салону, и я тут же принялась экспериментировать – нанесла на бледные щеки тон, замаскировав синяк, подвела глаза, наложила на губы помаду. Руки, в отличие от головы, работают на автомате, поэтому получилось не так плохо. Даже пластырь на лбу не очень портил вид. Очевидно, что я имела дело с косметикой и раньше.

Лицо в зеркале по-прежнему казалось незнакомым, но я уже начала к нему привыкать, а с макияжем оно показалось даже симпатичным. Мне шли яркие цвета. Перебрав флакончики духов, кстати, новые, я нашла те, которые показались мне интересными – с горькой грейпфрутовой ноткой.

Пара взмахов расческой – и образ готов. Есть ли у меня друзья? Интересно, что бы они сказали, увидев меня сейчас?...Хотя, конечно, все мои друзья в Лондоне. Надо бы найти свой телефон и позвонить им. Вдруг они волнуются?

Но я тут же одернула себя, вспомнив, что собиралась начать новую жизнь. Если я нужна кому-то из прежней жизни, он отыщет меня сам. Не буду спешить...

В это время в дверь постучали. Уже знакомая мне Лена сообщила, что через десять минут меня ждут в столовой на обед.

– Спасибо, – отозвалась я и, не удержавшись, добавила: – Десяти минут, я думаю, будет достаточно, чтобы найти в этом доме столовую.

Вот ведь невыносимый характер! Не могла промолчать?

И горничная, поджав губы, выдавила, что проводит меня.

Ей, наверняка, казалось, что я просто издеваюсь по своей старой привычке. Но я твердо решила не портить себе настроение и не обращать внимания на всякие мелочи.

Столовая оказалась на первом этаже. Благодаря стеклянной стене она была вся наполнена теплым медовым светом. За большим столом уже сидели те, кто

являлся, судя по всему, моими родителями. Он, когда я вошла, встал, а она лишь окинула меня сухим взглядом.

– Мика, садись! – отец сам отодвинул для меня стул. – Ты сто лет не была дома и наверняка проголодалась.

Стол был покрыт бледно-фиолетовой скатертью, стоящая на нем посуда казалась совершенно простой. Полноватая улыбающаяся женщина, видимо, кухарка, несомненно, рыжая, несмотря на то, что из-за шапочки невозможно было различить цвет ее волос, поставила перед каждым пиалу с прозрачным рыбным супом.

Если все эти процедуры и были когда-то привычными для меня, то сейчас я растерялась, но отец одобрительно кивнул и взялся за свою ложку, приглашая меня последовать своему примеру. Он определенно мне нравился. Думаю, у нас были прекрасные отношения. В отличие от матери, которая, как и прежде, едва меня замечала. И ела она, кстати, без всякого аппетита – медленно, со слегка брезгливой гримасой на безупречно красивом лице.

– Тебе придется заново ко всему привыкать, – заговорил отец, когда с супом оказалось покончено, а рыжая повариха принесла салат и запеченную рыбу. – Не была дома целых девять лет – это не шутка.

Ага, значит, мне двадцать или вроде того. Забавно жить, если приходится вычислять свой собственный возраст.

– Мы с Анной уже и не надеялись, что ты вернешься, – продолжал он, бросив взгляд на невозмутимую жену.

Конечно, я принимала решение оставить прошлое за горизонтом, но все же не выдержала и спросила:

– Мы поссорились?

Отец слегка замялся и снова посмотрел на Анну, подтверждая мои сомнения относительно нее. Называть ее Анной, кстати, даже мысленно, оказалось гораздо легче, чем мамой.

– У тебя с самого детства был довольно непростой, упрямый характер, – наконец заговорил он. – Ты не хотела жить здесь и уже в десять лет заявила, что намерена уехать и сделать карьеру за границей. Мы тогда посоветовались и решили, что в этом случае тебе будет легче, если ты закончишь школу в Англии. Тем более и обучение там лучше, чем здесь.... Конечно, мы навещали тебя так часто, как могли, – поспешно добавил он.

– У меня были друзья? – вопрос опять сорвался с губ словно сам собой.

– Конечно, – отец кивнул. – Мы созвонились с Оливией и Якобом, вы учитесь вместе и очень дружны. Они знают, что с тобой все в порядке и будут ждать твоего звонка... Давай позвоним Оливии сразу после обеда.

– А мой телефон?..

– Он разбился во время аварии, – отец отвел взгляд. – Сегодня тебе принесут новый.

Кажется, с этой аварией какая-то проблема.

– Ты приехала, не сказав нам, – продолжал отец, крутя в руках вилку. – И взяла автомобиль в аренду в аэропорту. Вероятно, ты очень спешила и не справилась с управлением, вылетела на обочину... Мне позвонили, когда все уже случилось... Это просто чудо, что ты фактически не пострадала, потому что машина разбита всмятку. Правую сторону буквально расплющило.

Да и с приездом тоже что-то не так. Зачем я вернулась? Куда спешила?

– Рыба уже холодная, – ледяным голосом проговорила Анна. – Я думаю, вам пора приступить к еде.

Я неохотно поддела вилкой кусочек и поднесла ко рту. А вкусно. Очень даже вкусно. Пусть мне не нравится Анна и не хочется думать о том, что она может быть моей родной матерью, не стоит забивать голову лишними вопросами. Все решится когда-нибудь само собой. Пожалуй, я и так сегодня узнала достаточно. Гораздо больше, чем мне хотелось. И к разговору с Оливией, которую вообще не помню, еще не готова.

После обеда я ушла в свою комнату и долго изучала в ней каждый предмет, пытаюсь сделать ее по-настоящему своей.

Самой интересной находкой оказался странный медальон в виде глаза с голубой бирюзовой радужкой. Серебро почернело – сразу видно, очень старый. Я обнаружила его на дне бокового кармана красивого кожаного чемодана с лондонской биркой. Очевидно, с ним я и ездила. Вещей в чемодане оказалось тоже мало – свитер, пара футболок с нейтральными надписями, белье и джинсы. Кажется, собиралась я в спешке. Обнаруженные вещи не произвели на меня никакого впечатления, зато медальон понравился с первого взгляда. От него исходило уютное тепло, и я немедленно надела его на шею.

А ночью мне приснилось, буду я еду куда-то в поезде.

Мерно постукивают колеса, а за окном проплывают незнакомые пейзажи – поросшие лесом холмы и затянутые туманной дымкой низины. А на сердце у меня беспокойно и по-осеннему пусто...

Поезд Красноярск-Петербург, сентябрь, 1913 год

За окном проплывал густой лес, вздымавшийся по холмистой местности, словно гребень на спине спящего сказочного дракона.

Лиза тут же представила себя принцессой. Вот только нашелся бы рыцарь, готовый сражаться за нее.

– Уж как Павел Силантьевич о вас печется, барышня! – Наташин голос расколол хрупкие мечты, осыпавшиеся под ноги тонким хрусталем. – Все просил меня: ты уж догляди за нашей сироткой!

– Дядюшка очень добр, – безучастно подтвердила Лиза и достала книжку, не столько желая читать, сколько не желая разговаривать.

Наташа намек поняла и замолчала, ерзая на сиденье. Заметно было, что в купе ей неуютно, а бурлящая внутри жизненная энергия требует больших пространств и свободы действия.

«На ней бы пахать», – невольно подумала Лиза, но тут же устыдилась такой мысли.

Подошло обеденное время, больших приличных станций поблизости не было, так что есть приходилось в вагоне-ресторане.

Лиза и прошла туда в сопровождении компаньонки, не забывшей тщательно пригладить волосы перед большим Лизиным зеркалом.

Ресторан был приличным, как и надлежит тому в поезде первого класса. С бархатными шторами на окнах, с висящими в простенках картинками. Одна из них привлекла Лизино внимание – фотография, но странная, по-настоящему цветная. Вот ведь чудеса! Чего только не увидишь: и трава на ней зеленая-зеленая, и небо голубое, и на детях, сидящих на лугу, яркие одежды.

Часть столиков уже была занята. За одним сидел невысокий худой мужчина с крупным носом и смуглым оттенком кожи, он что-то бормотал себе под нос. По слегка презрительному виду склонившегося над ним официанта становилось ясно, что посетитель оценен не слишком высоко.

Лиза уже села за свободный стол, как заметила в углу давешнего студента. На столе перед ним стояла тарелка супа и лежало несколько кусков хлеба. Еда более чем скромная. При виде Лизы студент, кажется, слегка покраснел и потер шею.

– Вы случайно не из сочувствующих? – наглый господин с усиками был тут же и теперь смотрел на студента с вызовом. – Не едите потому, что народ голодает? По убеждениям?

– Я?! Нет, что вы, я – монархист. Убежденный монархист, – поспешно ответил студент. – Дмитрий Владимирович Рагозин – к вашим услугам.

– Денис Константинович Вербицкий, – вынужден был представиться в ответ пижон. – Тогда, должно быть, вы – пуританин, больше думаете о небесном, чем о мирском.

Пока официант сервировал перед ней стол, Лиза не без любопытства прислушивалась к разговору. Оба попутчика показались ей интересными. Что уж говорить, особенно тот, который с усиками. Сразу виден столичный лоск. Даже странно, что такой щеголь делает на Урале. Его легче представить в салоне, на каком-нибудь балу или рауте, чем в грохочущем поезде.

– Я... тут еда не подходящая, – Дмитрий расправил неширокие, прямо скажем, плечи и вздернул голову так, что стал виден острый кадык. – Лучше совсем не есть, чем есть второсортную пищу. У меня, может, имелось желание отведать устриц в белом вине.

Денис Вербицкий, видимый Лизе в профиль, иронично поднял бровь. Ей тоже не понравилось высказывание студента. Странно, вначале он показался ей естественным и милым, а оказался избалованным барчуком. Наверняка маменька его до сих пор об отмене крепостного права жалеет и шпыняет своих людей, как в былые времена. Устрицы в белом вине! Надо же еще придумать такое в поезде!

Однако поддержку заявление нашло с совершенно неожиданной стороны.

– И я говорю, что еда второсортная, а цены дерут втридорога! – вмешался носатый господин. – Просто грабеж посреди белого дня. Как грабили на этих дорогах когда-то, так до сих пор и грабят. Только нагло и открыто.

– У нас, извольте знать-с, все свежее. По первому классу, – подал голос официант. – Изысков французских не держим, потому как в дороге несподручно, испортятся-с, однако все самое лучшее. Первого класса.

Все-таки в поездах обстановка, что ни говори, гораздо свободнее. Где еще собрались бы столь разные люди. Разве что в маскараде еще. Лиза побаивалась маскарадов, но слышала, что ныне на них ходят все, кто хочет, хоть прачка приобрести билет может.

И в этот момент в ресторан вдруг вошла дама, не заметить которую оказалось невозможно. Во-первых, у нее были отчаянно-рыжие, просто пламенные волосы, оттененные глубокого изумрудного оттенка платьем с вырезом большим, чем представлялось приличным. Во-вторых, фигура у дамы оказалась изумительная, что как раз и подчеркивало пресловутое декольте. Взгляд незнакомки рассеянно

скользнул по помещению, а Лиза вдруг поняла, что все споры разом замолкли. Господин с усиками... Вербицкий, смотрел теперь на незнакомку в зеленом, и в груди у Лизы что-то неприятно кольнуло. Не то, чтобы она всерьез рассчитывала на внимание такого субъекта, однако отчего-то стало досадно.

– Я у себя поем, – Лиза поднялась, не глядя на Наташу. – Вели мне заказать обед.

– Вот и правильно, барышня, – живо откликнулась компаньонка, видимо, тоже не обрадовавшаяся незнакомой красавице. – Уж не беспокойтесь, все в лучшем виде сделаю.

Лиза вышла из вагона-ресторана и едва не оказалась сбита с ног крупным мужчиной. Он толкнул ее, но вместо того, чтобы извиниться, только пробормотал что-то под нос и поспешил дальше. Он него, как и от дяди, пахло табаком, даже более резко, нехорошо, а еще... неприятностями.

Странные попутчики. Странное путешествие.

Глава 3

Крыло смерти

Несколько дней прошли абсолютно спокойно. Я осваивалась в доме, понемногу узнавая о себе. Отца я почти не видела – он был занят своими делами, Анна все так же смотрела на меня, словно на пустое место. Если бы я погибла в аварии, ей наверняка стало бы легче. При этом она оказалась моей родной матерью и родила меня в девятнадцать лет. Видимо, она просто не хотела ребенка. Ну что же, и такое бывает. Я тоже не искала ее любви, проводя больше времени за компьютером или с книгой. Найденный медальон уютно пригрелся у меня на груди, и я не снимала его даже ночью.

Каждый день меня посещал врач. Мы беседовали, заполняли бесчисленные ассоциативные тесты, но не уверена, что хоть с каким-то результатом. Мне становилось скучно, и обычно я утыкалась в свой новый айфон, где было пока всего три телефонных номера (один из них – доброго доктора), зато Интернет

предоставлял огромные просторы для всех любознательных.

В сети, кстати, обо мне какой только гадости не писали: «дочь известного предпринимателя, долгое время отсутствовавшая в России, попала в аварию в нетрезвом виде», «дочь миллиардера, предпринимателя и начинающего политика Санева сбила человека и угодила в больницу», «дочь зарвавшегося миллиардера пребывает в неадекватном состоянии», «иногда они возвращаются... вот только к добру ли?» В статьях бесконечно мусолили то, что, мол, «золотая молодежь» нынче состоит из отбросов общества, не имеет ни стыда, ни совести, не обладает чувством патриотизма и пускается во все тяжкие от вседозволенности и безделья. Честное слово, я оказалась бы рада хоть одной острой статье, содержащей хоть что-то оригинальное, но таких не нашлось. Самое странное – в сети не обнаружилась и фотография, сделанная в больничном дворе. Интересно, почему?

Добрый доктор, будем справедливы, не сильно докучал и, заверив меня, что все идет как должно и прогресс вот-вот наступит, ретировался. Подозреваю, что он и сам был не против, чтобы процесс затянулся как можно дольше. Ведь этот добрый самаритянин наверняка получал за наши встречи немалые деньги.

Тем временем я привыкла к распорядку дома. Две женщины, помогающие по хозяйству, шофер, повариха находились здесь только днем, а вечером мы оставались в нашем маленьком семейном кругу, однако и тогда каждый предпочитал заниматься чем-то своим. Уж не знаю, что делала Анна, но отец явно продолжал работать, вел какие-то бесчисленные бесконечные переговоры, а я откровенно скучала. Надо узнать, было ли у меня какое-нибудь увлечение. Может, я прекрасно вышивала или играла в теннис. Конечно, можно было заняться спортом в прекрасно оборудованном тренажерном зале и поплавать в бассейне, но чаще всего я просто сидела в своей комнате – читала и смотрела фильмы.

Однажды вечером ко мне заглянул отец.

– Можно? – он одобрительно посмотрел на меня, устроившуюся на диване. – Ну вот, совсем другое дело. Выглядишь выздоравливающей. Ничего пока не вспомнила?

– Нет, – я слегка виновато покачала головой.

Он вздохнул и, остановившись надо мной, продолжил:

- Нам придется дать небольшое интервью. Завтра приедет журналист.

- Зачем? - я удивленно подняла на него глаза. Мне казалось, мы прячемся от прессы и вообще не хотим выставлять частную жизнь на всеобщее обозрение.

- Пойми, Мика, - он снова вздохнул, - о тебе ходит множество разных слухов. Для моей репутации лучше их пресечь. Встретишься с журналистом буквально на пятнадцать минут, в моем присутствии - пусть в прессу попадет достоверная информация.

- Ну, хорошо, - я пожала плечами. - А о чем он будет спрашивать?

- Вот список вопросов и твои ответы. Прочитай, пожалуйста, и постарайся запомнить, - отец протянул мне листок.

Я его проглядела. Вопрос про аварию - мой ответ про неисправность машины и плохое сцепление с дорогой. Вопрос о здоровье - все отлично, семья меня поддерживает, а стены родного дома буквально исцеляют. Вопрос про Лондон - да, вернусь туда, чтобы закончить обучение, но жить буду только в России.

Такое ощущение, что отец готовится к предвыборной кампании. Впрочем, так вполне может быть. Ничуть не удивлюсь.

Из этого интервью следовало, что я - примерная папенькина дочка, патриот своей страны и полностью здоровый человек, не имеющий никаких проблем ни с памятью, ни с самосознанием.

Ну что же, надо так надо.

- Я все запомню, - пообещала я.

- Вот умничка! - он потрепал меня по макушке и поспешил, занятый очередными делами.

В ночь перед интервью мне приснился кошмар.

Я не запомнила подробностей – сцены словно выступали из темноты.

То я в какой-то маленькой часовенке стою у гроба, засыпанного цветами. Вокруг – все серое от дыма свечей, пахнет ладаном и горячим воском, а еще лилиями, не зря их называют цветами смерти. От этого кружится голова и волнами накатывает тошнота. Стараясь удержаться на ногах, я опираюсь рукой о гроб, и тут, наконец, вижу лежащего в нем человека. Это девушка в красивом белом платье. Ее лицо кажется смутно знакомым. Я наклоняюсь ниже, чтобы разглядеть его, и тут кто-то толкает меня в спину. Я неправдоподобно долго падаю в гроб, а затем крышка с яростным грохотом захлопывается. В этот миг я вдруг понимаю, отчего мне было знакомо лицо лежащей в гробу. Это мое собственное лицо.

Задыхаясь от ужаса, я силилась проснуться, но никак не могла этого сделать. Так рыба, угодившая в сеть, только бестолково бьется, оставляя на жесткой леске следы собственной крови.

Вдруг я оказалась среди людей с закрытыми лицами. Они наклонялись надо мной, чтобы сделать что-то плохое. Я вырывалась изо всех сил, но кожаные ремни крепко удерживали меня на койке.

«Тебе не будет больно. Потерпи, только потерпи»... – говорил человек в маске и очках, как у доброго доктора. Стекло его очков бликовало, словно он чудовищным образом мне подмигивал.

И тут же в запястье вонзалась огненная игла, и жидкий огонь растекался по всему телу, лишая возможности сопротивляться, бросая в темноту, полную первозданных кошмаров.

И тут же я оказывалась на дороге, окруженная молчаливыми людьми, чьих лиц не могла разглядеть (а были ли у них вообще лица? Может, это только сгустки темноты?).

– Машина... Никто не поймет... – слышала я отголоски чьих-то голосов, а внутренности скручивало спиралями невыносимой боли.

С утра отец, как всегда, был занят своими делами. Как я понимаю, дома он появлялся не так часто. Завтракала я одна, без Анны, и это было прекрасно. Зато к обеду она неожиданно постучала ко мне и предложила помочь выбрать одежду для интервью. Говорила она таким тоном, что становилось понятно: любая попытка отказа обречена на провал.

– А в Лондоне я тоже не могла сама выбрать, что мне надеть? – не удержалась я от шпильки, пока Анна, поджав губы, осматривала мой не слишком богатый гардероб.

Мне самой, кстати, больше всего нравилось то лоскутное платье, и я надела бы именно его, но Анна даже не посмотрела в его сторону, зато задумчиво разглядывала классическую прямую юбку и блузку цвета кофе, густо разведенного молоком, на мой взгляд, невероятно скучные и безликие.

– Наденешь вот это, – она ткнула в выбранные вещи, сделав вид, будто не услышала моего вопроса.

– Я носила такое и в Лондоне? – конечно, не стоило идти на конфликт, но слова вырывались из горла сами собой.

Анна, наконец, посмотрела на меня так, словно впервые заметила.

– Если ты оденешься так, как ходила в Лондоне, то подведешь отца и очень порадуешь журналистов бульварных газетенок, – холодно сообщила она.

Я опустила голову. Выходит, в моем прошлом и вправду нет светлых моментов.

После такой отповеди только и оставалось, что признать ее выбор.

Надев то, что подобрала Анна, я взглянула в зеркало и убедилась, что представляю из себя весьма унылое зрелище. Пластырь со лба убрали, и скрытый под ним шрамик оказался очень аккуратным, едва заметным. Синяк почти пропал с лица, а современная тональная основа, нанесенная поверх зеленоватой базы, сотворила настоящее чудо. Но даже несмотря на это, выглядела я как-то... жалко. Даже не представляла, что можно выглядеть жалко в таких дорогих шмотках.

«Не выступай», – сказала я себе и показала зеркалу язык, словно этой шалостью мстила то ли себе, то ли Анне.

Разговор с журналистом был назначен на четыре, и при нем присутствовал Владимир, который вез меня из больницы. Его функции явно были обширнее, чем у простого шофера. Отец так и не пришел, несмотря на обещание. Был занят? Вероятно.

Мы ждали посетителя в гостиной, и, когда он вошел, мне стало еще больше неловко за мой наряд. Он был еще довольно молод, вероятно, слегка за тридцать. Некрасивый, с растрепанными темными волосами, но с обаятельной улыбкой. На его защитного цвета футболке красовался штрихкод с надписью: «Совершенен». И смотрелся в нашей помпезной гостиной он так же уместно, как танк в бальном зале.

– Добрый день, – поздоровался он, и я отметила, что взгляд у него очень цепкий. – Петр Симонов, корреспондент.

Мы сели друг напротив друга в кожаных креслах, где можно было, пожалуй, даже спать. Владимир встал за моей спиной, словно достаточно хлипкий на вид журналист мог неожиданно броситься на меня и причинить вред.

– Я могу называть вас Мика? – поинтересовался журналист.

– Да, – ответила я, уже привыкнув именно к этой форме имени.

– Как вы себя чувствуете?..

Владимир кашлянул, журналист едва заметно, уголком рта, улыбнулся и перешел к вопросам из согласованного списка.

Я отвечала на них так, как было отрепетировано. Почти ничего не добавляя от себя.

– Вы скучаете по Лондону? – вдруг спросил журналист по-английски.

– Нет, – ответила я автоматически, но, вспомнив о требованиях отца, расширила: – Я рада вернуться на родину и планирую связать свое будущее именно с Россией.

– Пожалуйста, говорите по-русски, – вмешался в наш диалог Владимир. Кажется, он не знал английского и сейчас заметно напрягся. – Господин Симонов, вынужден напомнить вам, что вы второй раз отступаете от регламента, и на этом наша встреча может закончиться.

– Простите, – журналист взмахнул рукой, словно отгонял назойливую муху. – Очень приятно беседовать с Микой, а я так давно не был в Лондоне, что не удержался. Так захотелось поговорить на языке великого Шекспира... А что вы думаете о покушениях на вас? – спросил он вдруг тоже по-английски, но с такой интонацией, словно цитировал как минимум сонет.

Я вздрогнула. Слова пробивались в мозг будто через толстый слой ваты.

Покушения? О чем это он?

Я бы спросила, но тут заметила отца. Он стоял в дверях, и лицо у него было мертвенно-белым.

– Вон! – проговорил он негромко, но отчетливо. – Откуда взялся этот проходимец? Это не тот журналист, которого мы ждали.

– Простите, – наш странный гость встал и поднял руки вверх, словно сдавался. – Алексей Ветров, независимый корреспондент, позвольте отрекомендоваться. Мой коллега Петр Симонов, который должен был взять интервью, внезапно заболел. Желудочные колики. Ну, с кем не бывает. Наверное, даже у миллиардеров бывают желудочные колики... Что, не бывает? Завидую.

Брови отца сошлись в линию, и я поняла, что он просто вне себя от ярости.

Владимир, очнувшись, схватил журналиста за плечо и потащил к выходу. Самозванец и не сопротивлялся, только в дверях оглянулся и посмотрел на меня как-то очень многозначительно.

– Алексей Ветров, – повторил зачем-то он. – Приношу вам, барышня, извинения за действия... Ой! – он дернулся от тычка сопровождающего. – А уж это классифицируется как...

– Уберите этого шута! Немедленно! – рявкнул отец, и Владимир, наконец, справившись с незваным гостем, вытолкнул его из комнаты.

А я осталась на месте, точно замороженная. Станный вопрос и последовавшая за ним отвратительная сцена абсолютно выбили меня из колеи.

– Мика, девочка моя, – отец подсел ко мне и мимоходом коснулся волос, словно погладил, – я очень огорчен, что тебе пришлось пережить такой неприятный момент. Видишь ли, этот ушлый бумагомаратель проник сюда обманом. К сожалению, чем выше положение, тем больше привлекаешь внимание всякой... шушеры, – явно смягчил он в последний момент характеристику.

Слышал ли отец вопрос про покушение? Понял ли? Не с этим ли связан его гнев? Спросить – страшно. Лучше уж потом. Вдруг та авария и вправду результат покушения, а отец не хочет меня расстраивать. Мозги ведь еще не пришли в норму. Вот и голова болит все время после выписки – настораживающий признак.

– Ничего страшного, – поспешила заверить я. – Он мне даже понравился... – и, глядя на напряженное лицо отца, поспешила перевести разговор на другое: – А скажи, Анна намекала, что я любила неформальную одежду. Я делала что-то плохое?

– Нет, что ты, – он покачал головой. – Это нормально, если молодежь носит рваные джинсы, делает пирсинг и татуировки и любит рок-концерты.

– Но у меня нет пирсинга и татуировок, – напомнила я.

– Вот видишь, какая ты молодец! – отец засмеялся. – Ну пойдем, тебе нужно отдохнуть после этого недоразумения.

Он явно избегал разговора о моем прошлом. Видимо, там все-таки было нечто неприятное.

В этот момент мне показалось, будто затылка коснулось ледяное дуновение ветра, между лопатками пробежала дрожь, а от медальона, спрятанного на груди, прошла горячая волна.

Что-то плохое. Что-то очень плохое было совсем рядом...

Красноярск, сентябрь, 1913 год

Проводив племянницу, Павел Силантьевич отправился напрямик в контору, где поверенный брата снова засел за бумаги, беспрестанно приставая с очередными вопросами. К обеду у Ваганова уже раскалывалась голова.

Как же это все неуместно, просто и не описать! Только недавно брата похоронили, а уже понаехали, вороны. Все теперь перекопают. Ну, дали бы ему хоть полгода времени, чтобы спокойно все в порядок привести. А теперь...

Оставив поверенного в конторе, он сел в пролетку и направился домой.

Семья уже отобедала, но жена велела накрыть для мужа поздний обед и сама села за стол напротив, подперев руками голову.

– Уехала? – спросила она, дождавшись, пока Павел Силантьевич, морщась, выхлебает свои щи и вытрет седые усы белоснежной крахмальной салфеткой.

– Уехала, – подтвердил он. – А эти все копают. Вцепились, как псы поганые в кусок мяса. Тьфу!

– И что? – жена замерла. В черном платье под горло она была похожа на готовую к прыжку пантеру, изображение которой имелось в книжке с экзотическими животными, подаренной как-то братом.

– А ничего, – Павел Силантьевич принялся резать мясо на множество мелких кусочков, каждый из которых нарезал еще мельче. – Всякое бывает. Слышал я, что эти железные дороги ого-го как небезопасны. Мало ли что с путником произойти может. Тогда и по-другому расклад уже повернется. Если с Лизочкой что случится.

– Может случиться? – жена по-прежнему была напряжена.

– Может, еще как может, – подтвердил Павел Силантьевич, отправляя кусочек в рот и тщательно пережевывая почти не ощутимые на зубах волокна мяса. – Всякие неприятности в дороге бывают. Поезда эти – тьфу!.. Будем молиться за сиротиночку нашу.

– Будем молиться, – мрачно подтвердила жена.

Они прекрасно друг друга поняли, поэтому дальнейший обед проходил в строгом молчании, словно покойница уже лежала в церкви, готовая для отпевания.

Глава 4

Светские страсти

– Ну все, – сказал добрый доктор, – хватит сидеть взаперти. Тебе нужны новые впечатления. Это вернет социальные связи и поможет адаптироваться в обществе, что благотворно скажется и на наших проблемах.

На мой взгляд, проблемы были целиком мои, а никак не румяного доктора, но спорить с ним я, конечно, не стала, тем более что сидеть в прекрасном, но все-таки обособленном особняке мне надоело. Хотя что там этот странный Ветров говорил про покушения? Может, бредил?

Поздно вечером, когда мы увиделись с отцом, он уже знал о планах доктора и не выказывал ни малейших опасений, очевидно, не стоило быть параноиком и мне.

– Завтра поедете с Леной, купите все, что тебе нужно, – сказал отец. – Послезавтра, в четверг, посетим небольшой корпоратив. Посмотришь, что за люди на нас работают. Будь приветлива, но не откровенничай – я не поощряю разговоры о моей семье. Понятно?

Я кивнула. Нужно быть дебилом, чтобы не понять.

– А можно я поеду без Лены? – робко спросила я.

Конечно, Лена была гораздо лучше Анны, но все же отношения с горничной у меня, прямо скажем, не сложились. Она шарахалась от меня так, словно подозревала сразу во всех смертных грехах.

– Нельзя, – отрезал отец, но тут же опомнился и смягчил тон: – Мика, детка, ну пойми, что мы беспокоимся о тебе, рано выезжать куда-то одной. К тому же Лена работает у нас уже четыре года и хорошо знает, что именно тебе нужно купить.

«Что-нибудь столь же унылое, как то, что надела на меня Анна», – подумала я. Но что делать: оставалось только смириться.

На следующее утро горничная уже ждала меня. На ее лице застыло ощущение собственной значимости и привилегированности. Казалось, что не она сопровождает меня, а, напротив, я сопровождаю ее, особу если не королевских, то весьма голубых кровей.

Мы сели в машину, которую вел мрачный Владимир. Кажется, ему здорово влетело.

– А как получилось, что к нам пробрался не тот журналист? – поинтересовалась я весьма светским тоном, когда автомобиль выехал за ворота.

Около минуты Владимир молчал, и я думала уже, что вообще не получу ответа, когда он все же разомкнул уста.

– Он предъявил чужой пропуск, – буркнул шофер слеш охранник, уставившись на пустую дорогу. – Вячеслав Александрович уже передал дело юристам. Мало этому... гов... гмм... этому... Ветрову не покажется.

Я задумчиво смотрела в окно. Интересно, зачем этот журналист пробирался к нам, подвергнув себя значительному риску? Выручал заболевшего коллегу,

которому кровь из носа требовалось принести интервью в клювике? Или имел собственные мотивы? Очевидно, отец, его семья и, соответственно, я – для них весьма лакомое блюдо.

Тем временем мы подъехали к огромному торговому центру. Владимир поставил машину и, не отставая от нас ни на шаг, поднялся на лифте на первый этаж, ослепивший меня сиянием бесчисленных витрин и гулом голосов.

От всего этого головная боль, с которой я уже почти сроднилась, сделалась ощутимее. Я поморщилась. Оказывается, я отвыкла от людей и почти одичала.

Лена целеустремленно шла вперед, и я следовала за ней на автомате, но вдруг заметила в одной из витрин красивое платье – темно-синее, очень сдержанное, но в то же время романтическое, я бы сказала, особенное.

– Лена, – окликнула я сопровождающую, – давайте я примерю это.

Она резко остановилась и, обернувшись, посмотрела на меня с таким выражением, что я сразу поняла, что моя идея отчего-то глупая.

– Вы не одеваетесь в таких магазинах, – проговорила горничная с достоинством герцогини. – Ваша одежда – дело престижа всей семьи, поэтому вы должны отбирать ее тщательно. Собственно, поэтому я и здесь. Сейчас я отведу вас в ту часть, где представлены нужные вам марки.

Можно было настоять, но я почувствовала бы себя маленьким ребенком, капризничающим в магазине из-за приглянувшейся конфетки. Так я и знала, что выбрать самой мне не разрешат.

Я богата, но не могу позволить себе даже купить одежду по вкусу. Становится понятно, почему я сбежала в Лондон и отрывалась там на полную катушку.

Будь на моем месте какая-нибудь прекрасная героиня, она узнала бы роковую тайну этой самой Лены и, используя полученные сведения, ловко манипулировала бы не слишком умной горничной. Хотя... у Лены, судя по лицу, вряд ли найдутся роковые тайны. Скорее уж мелкие грешки типа подворовывания. Это, кстати, была идея.

– А какая сумма из чека пойдет в ваш карман? – спросила я на ухо свою сопровождающую.

Это, конечно, был классический блеф. Шансы – пятьдесят на пятьдесят, но, судя по тому, как вспыхнуло некрасивое лицо горничной, я попала в самую точку.

– Что вы такое говорите! – пробормотала она, глядя на меня почти с ненавистью. – Как вы можете клеветать на честную женщину?!

Значит, я права. Удачно. Теперь тонкая игра.

– Я пошутила, – сказала я, отвечая на ее взгляд, – но мне кажется, раз уж мы, как две подружки выбрались за покупками вместе, нам не следует ссориться. И тогда обе останутся довольны.

– Какие-то проблемы? – Владимир, сурово оглядывающий окрестности в поисках потенциальных источников опасности, шагнул к нам.

– Н-нет, – Лена улыбнулась. – Мика заметила одно симпатичное платье, и мы решили за ним вернуться.

Бинго! Эта маленькая победа вернула мне настроение.

Платье с витрины оказалось даже лучше, чем я полагала, и сидело идеально. В нем я сразу стала кем-то вроде принцессы в изгнании, по крайней мере, именно такое сравнение пришло мне в голову.

Мы его, конечно, купили. Затем отправились в элитную часть, и я выбрала пару платьев, джинсы, белье и всякие мелочи. Шоппинг оказался очень увлекательным занятием, если бы еще избавиться от продавщиц, кружащих, словно вороны над падалью. Они были такими любезными, что я посмотрела на идеально блестящий пол, чтобы убедиться, что туда не накапали лужицы патоки.

Когда мы выходили из очередного бутика с ювелирными украшениями, где я не решилась ничего взять, буквально ослепленная сиянием витрин и нереальными ценами, то едва не столкнулись в дверях с двумя молодыми людьми. Они были

заняты разговором и совершенно не обратили на нас внимания. Один из них, высокий блондин, казалось, сошел со страниц модного журнала и был одет в укороченные белые штаны и дизайнерский синий пиджак. Второй, темноволосый, на полголовы ниже своего спутника, производил впечатление успешного и серьезного человека, а его белоснежная рубашка едва ли не затмевала своим сиянием солнце. Но больше всего меня поразили большие серые глаза, опущенные темными длинными ресницами. Они казались очень мягкими, бархатистыми. Впервые видела такой интересный оттенок.

- Вот увидишь, хорошая ювелирка - лучшее средство, - говорил брюнет.

- Не у всех девушек лучшие друзья - бриллианты, - усмехался в ответ светловолосый. - Некоторые предпочитают изумруды или рубины.

Оглянувшись, я заметила, как быстро устремились к посетителям две хорошенькие продавщицы, и поспешно отвернулась.

«Эти люди не моего круга», - мелькнула в голове странная мысль. Но отчего же не моего? Разве мой отец не один из богатейших людей России?

Мимолетная пустяковая, в сущности, встреча вернула меня в подавленное состояние духа. Пожалуй, лучше не говорить доброму доктору, как часто меняется у меня настроение. Кажется, это признак шизофрении. Мне даже хотелось немедленно поехать домой, но Лена настояла на том, чтобы мы купили какую-то ювелирку. Пару серег, скромное кольцо и колечко я выбирала уже без прежнего воодушевления, ткнув на первое, что привлекло взгляд.

На этом шоппинг был окончен, а головная боль обрушилась на меня новым яростным приступом. Пришлось зайти в аптеку и купить обезболивающее.

В особняк я возвращалась присмирившая и подавленная. Даже маленькая победа над Леной больше не приносила радости.

Так и закончился мой первый выход в общество.

Корпоратив, о котором говорил отец, проходил в уютной бухте где-то на Пироговском водохранилище. Мы приехали туда, когда праздник уже начался. На небольшой импровизированной сцене выступала певица в весьма провоцирующем наряде. Судя по реакции собравшихся, она была известна, хотя мне эта музыка ни о чем не говорила. Впрочем, неудивительно, если осознанные годы я провела в Лондоне.

При появлении отца сотрудники заволновались.

– О, я вижу, пришел большой босс! – улыбнулась певица, закончив песню и очаровательно улыбнулась.

– Безголосая стерва, – тихо проговорила Анна, и мне стало приятно ее раздражение.

Отец поцеловал певице руку, приветствовал сотрудников, обратившись к ним с речью минут на десять. Мне стало скучно, и я отошла к перилам.

От воды тянуло сыростью и легким ветерком, и это было приятно. Неподалеку красовались пришвартованные яхты. Интересно, у нас есть яхта?..

Я поежилась под налетевшим порывом ветерка. Платье, выбранное сегодня в магазине, пожалуй, было слишком открытым для вечера. Медальон я спрятала в вырезе, мне одинаково не хотелось и снимать его, и показывать людям. Вторая цепочка, легшая по линии шеи, создавала ощущение единого украшения и благодаря этому спрятанный кулон не выглядел странно.

– Вам не холодно?

Вздрагнув, я оглянулась и не поверила собственным глазам. Передо мной стоял сероглазый брюнет из магазина.

– Нет... То есть да... – пробормотала я.

Он усмехнулся, снял пиджак и набросил на меня. От пиджака доносился горьковато-кожаный аромат.

– Спасибо.

– На здоровье, – он усмехнулся. – Не считайте меня пикапером, но смотрю на вас и не могу понять, кем же вы здесь работаете. Вы... – он задумчив щелкнул пальцами.

– Странная? – подсказала я.

– Есть такое, – неожиданно согласился он.

– Я... я недавно в России, – мне почему-то захотелось оправдаться. – И я – дочь владельца.

Едва я произнесла эти слова, как серьезно о них пожалела, потому что интерес угас в его глазах, словно нажали на клавишу выключения света. Даже оттенок глаз изменился на холодно-стальной.

– А, – он кивнул, – понятно.

Можно поспорить, что он собирался сбежать, бросив даже свой пиджак, но тут навстречу шагнул отец, неся в каждой руке по бокалу темно-бордового, как драконья кровь, вина.

– Денис, – проговорил он любезно, только глаза при этом оставались напряженно-холодными. – Рад тебе. Вижу, ты уже встретился с моей дочерью. Помнишь ее?

– Да, разумеется. Тоже очень рад, – Денис улыбнулся так, что мне сразу стало ясно, насколько его не радует наша встреча. – Но, простите, мне нужно идти.

– Ваш пиджак, – я неловко попыталась стянуть его с плеч, совершенно обескураженная происходящим. Что же я опять умудрилась сделать не так?!

– Как-нибудь потом. Вам он нужнее, – бросил молодой человек и, не дожидаясь ответа, пошел прочь.

К нему тут же подскочила фигуристая блондинка, и они вместе исчезли в толпе.

Я знаю, что нет неслучайных встреч,

Я знаю, что счастье нам не сберечь, –

доносился с эстрады голос певицы.

– Хорошими манерами он никогда не отличался, – заметил отец, подавая мне один из бокалов.

Я машинально взяла.

Надеюсь, что этот грубиян больше никогда не попадет на моем пути. Ничего не хочу о нем знать.

– Кто это? – услышала я собственный голос.

– Денис Заревский. Мы дружили с его отцом и были компаньонами, а вы когда-то росли вместе. После смерти его отца я опекал Дениса. И вот, пожалуйста, закономерная благодарность... Но, – отец тряхнул головой, словно отгоняя стаю ненужных мыслей, – не будем о нем. Давай лучше за успех, – он звякнул своим бокалом о мой и осушил его одним глотком. – Чтобы наши задумки сработали.

Он сказал это так, что стало ясно: у него имеются совершенно определенные планы.

Я сделала глоток вина, раскрывающегося во рту, словно цветок.

– Кстати, хотел тебя кое с кем познакомить, – продолжал отец, отдавая пустой бокал подскочившему официанту. – Ты не против?

Я совершенно не хотела уже ни с кем знакомиться, но кивнула. И, конечно, очень быстро об этом пожалела, потому что дальнейшее напоминало странные смотрины. Ко мне подходило множество людей. Я не запомнила, кажется, ни одного имени и ни одного лица – все эти чужие, безразличные мне лица казались белесыми пятнами. И каждому мне нужно было сказать хоть что-то.

– Очень рада. Прекрасный вечер, – повторяла я, словно попка-дурак.

Отец абсолютно не замечал моего состояния. Мне вообще казалось, что ему нет ни до кого дела и единственное, что его волнует, – это бизнес. Поначалу он, очевидно, обеспокоенный тем, что случилось со мной, относился ко мне внимательнее, но сейчас искренне не замечал. Я все лучше понимала, почему не торопилась возвращаться из Лондона.

А чужой пиджак лежал на плечах каменной глыбой. Запах щекотал нос и кружил голову. Наконец, я не выдержала и, сняв пиджак, протянула какому-то новопредставленному.

– Пожалуйста, передайте Денису Заревскому. Это его, – пробормотала я.

Уж лучше лютый холод, чем продолжение пытки.

Наконец, отец объявил, что формальности соблюдены, и мы можем ехать. Я вздохнула с искренним облегчением.

В машине мы не разговаривали. Отец казался слегка нервным и раздраженным, Анна держалась, как всегда, холодно и надменно, а меня охватила тоска. Не знаю, как люди выдерживают такие мероприятия и откуда взять силы, чтобы пережить остальные. Можно только надеяться, что с бывшим другом детства, которого я, конечно, вообще не помню, мы больше не встретимся. Он-то точно не станет желать нашей встречи.

Ну, здравствуйте, я – Мика, и, похоже, я не нужна никому.

Поезд Красноярск-Петербург, сентябрь, 1913 год

Вечером, должно быть, от непривычной еды желудок скрутило резкой болью. Лиза не могла усидеть на месте и отправилась ходить по вагону. Движение слегка притупляло боль. На втором круге девушка услышала в тамбуре странный шум и, не думая о том, что делает, дернула дверь.

Она не сразу признала в скукожившемся в углу человеке убежденного монархиста и студента Дмитрия Рагозина. Если кому-то и было сейчас хуже, чем ей, то это ему.

- Что с вами? - она шагнула в тамбур и присела перед молодым человеком.

- Ничего, - он отвернулся. «Еще как чего», - успела разглядеть она на вылинявшем, словно старая тетушкина занавеска, лице студента.

- Дмитрий... - она запнулась.

- Владимирович, - подсказал он слегка более высоким, чем обычно, голосом.

- Дмитрий Владимирович, вам нездоровится?

- Все в порядке, спасибо, - буркнул он, по-прежнему, не глядя на нее.

Лиза заколебалась. Разве можно приставать к незнакомому молодому человеку, тем более, когда он сам так явно показывает, что не хочет делиться с ней своими проблемами. Но отец всегда повторял: «Если сомневаешься - не ввязывайся, а если уж ввязалась - действуй до конца». Такое ощущение, что она уже ввязалась, и, если предоставить Рагозина самому себе, выйдет только хуже.

- Знаете что, - Лиза решительно поднялась, - сейчас мы пойдем с вами пить чай. Мне кажется, крепкий сладкий чай будет весьма уместен.

Студент посмотрел на нее с таким бесприютно-потерянным взглядом, что девушка отбросила последние сомнения. Если их даже увидят, пусть думают, что угодно. В конце концов, она - дочка сибирского миллионщика, а значит, от нее даже ожидают всякие экстравагантные и сумасшедшие поступки. Репутацию, в конце концов, нужно оправдывать.

- Пойдемте, пойдемте. Здесь дует. Не хотите же вы, чтобы я простудилась? - она зябко повела плечами.

Наташа принесла им чай и, как и следовало, оставила дверь купе открытой, а сама, уходя, бросила такой взгляд, что Лиза покраснела.

Видел бы ее сейчас отец! Осудил бы? Нет, только не он. Он никогда не делал скоропалительных выводов и всегда, Лиза знала, предпочитал скорее помочь

тому, кто этого не заслужил, чем оставить без помощи страждущего. Недаром у них в Москве всегда толпились разные просители и приживалы.

Дмитрий пил чай, и зубы звякали о край стакана.

Несколько минут они молчали. Лиза тоже пила очень сладкий густой чай и ощущала, как боль внутри, наконец, затихает. То ли от теплоты напитка, то ли от того, что, кажется, она сейчас делала что-то действительно хорошее.

– У вас что-то случилось, Дмитрий Владимирович, – проговорила девушка уже увереннее. – Если вам требуется помощь или сочувствие... Не бойтесь, я вас не подведу.

Он бросил на нее быстрый цепкий взгляд, словно оценивая.

Так ли разбалован этот человек, как ей показалось в ресторане? Под глазами у него тени, щеки запали, а скулы обозначились очень остро, словно их вырезали ножом. Взгляд беспокойный, неуверенный.

– Дмитрий Владимирович, я недавно потеряла отца, – продолжала она, сама не зная, зачем так открывается перед ним, – и я не шучу, предлагая свою помощь.

Он уставился в чашку, словно пытаюсь отыскать ответ на все вопросы на ее дне, а потом снова взглянул на Лизу и сразу отвел взгляд.

– Видите ли... – студент забавно смущался, – мне бы нужно положить в надежное место одну... вещь...

«И всего-то?!» – едва не выпалила Лиза, но сдержалась.

– Что за вещь? – вместо этого уточнила она.

– Не могу сказать, – он смешно хлюпнул чаем. – Здесь затронуты моя честь и данное мной слово.

– Хорошо, – девушка задумчиво кивнула. – Ваша вещь будет у меня в безопасности?

Он замялся лишь на секунду.

– Скорее всего. Если о ней не узнают, ее не станут искать у вас, – проговорил он.

Лиза задумалась. А что, если этот студент – вор? Слышала она, что у барышни Филиппьевой пропало изумрудное кольцо. Что, если этот тип тоже обокрал кого-то прямо здесь, в поезде, а теперь боится, что его уличат?

Она снова исподволь оглядела Рагозина. Нет, не похож он на вора. Лицо честное, мальчишечье. И уши торчат. Тут явно что-то другое. А как он сказал слово «честь» – с достоинством, с гордостью, явно для него это – не пустой звук.

– Несите, я спрячу среди своих коробок, – пообещала она, уже не сомневаясь. – У меня столько вещей, что даже моя горничная ничего найти не может.

Взгляд Дмитрия просветлел.

– Вы и вправду... – он замолчал.

– Конечно, раз дело касается вашей чести, – напомнила Лиза.

Рагозин кивнул и поспешно ушел, неуклюже ткнувшись в притолоку.

«Совсем мальчишка», – снова подумала Лиза, хотя на самом деле вряд ли он был действительно младше ее.

Вскоре студент вернулся, осторожно проходя мимо закрытых дверей спящих купе, и Лиза опять удивилась. Она думала, что речь пойдет о какой-то маленькой пустяковой вещице, однако, судя по саквоюжу, предмет был вовсе не мал. Интересно, что там?

Дмитрий, словно прочитав ее мысли, вздрогнул и огляделся. Он заметно нервничал.

«Сюда», – показала Лиза жестом.

Он сначала спрятал саквояж под диваном, затем переместил к ее багажу и прикрыл шляпной коробкой. От внимания девушки не ускользнуло то, что Рагозин обращался со своим грузом очень бережно, словно тот был хрустальным.

«Может, там какие-то редкие образцы камней. Или статуэтка искусного мастера», – подумалось девушке.

– Я заберу это завтра, – пообещал Дмитрий.

И снова странно: зачем оставлять ей багаж всего на одну ночь?

Где-то стукнула дверь, и студент отчетливо вздрогнул.

– Спасибо... – он замялся и отчаянно покраснел, сообразив, что так и не узнал ее имени.

– Елизавета Петровна, – подсказала Лиза.

– Спасибо, Елизавета Петровна, – он вдруг с неожиданной пылкостью прильнул к ее руке, заставив девушку испуганно отступить, а потом бросился прочь.

«До чего же странный», – думала она, глядя ему вслед.

Глава 5

Круг одиночества

Я бросила в бокал кубик льда. Теперь он казался айсбергом в ярко-оранжевом море. Немного отпила. Вкус божественный – свежий, с ноткой лимона, а плоды, из которых изготовили сок, кажется, еще не забыли о солнце, под которым зрели на ветке. Сконцентрированный вкус жизни.

Я просмаковала несколько глотков еще у подножья лестницы, а потом поднялась по ступенькам. День был в самом разгаре, небо за окнами казалось таким ослепительно-синим, что, глядя на него, приходилось жмуриться.

В такую погоду хочется сидеть с друзьями на траве в парке и болтать о всякой чепухе. Здесь у меня друзей нет. Наверное, сама виновата.

Подойдя вплотную к стеклу, я прижалась к нему щекой, ощущая такое невероятное острое одиночество, что сводило желудок.

«Полно тебе, Мика, – успокоила я себя. – Тебе просто нужно собраться. Друзей еще можно завести. Или уехать обратно в Лондон. Может, там память вернется быстрее».

Я медленно отпила еще глоток сока и вдруг услышала голос Анны.

– Где ее подобрали?.. Надо же, в том районе мы месяца полтора назад щенков нашли. Врач уже осматривал? Что говорит?.. – спрашивала она с таким беспокойством, которое я и не подозревала в этой снежной королеве. – Сломали лапу. Вот ведь подонки! Сейчас приеду... Кстати, Таня, подготовь документы на оплату, все сегодня решу. У нас есть долги?.. Сколько, говоришь, за корм? Да они думают, что я богатая дура, которая и не представляет, сколько едят мои собаки?! Не оправдывайся, сейчас приеду и во всем разберусь.

Я слушала и не могла поверить собственным ушам. Анна содержит приют для бездомных собак? Или я поняла что-то не так? Конечно, благотворительность сейчас может быть всего лишь элементом моды, но уж очень искренне ее беспокойство и неподделен интерес. Со мной она так не разговаривает. По крайней мере, с момента моего возвращения из больницы. Но вполне вероятно, что и раньше.

Острая зависть кольнула в грудь ледяной, несмотря на теплый день, иголкой.

И тут Анна, вышедшая к лестнице – как всегда, очень красивая и элегантная в прямой красной юбке по колени и белой блузке с коротким рукавом, – заметила меня. Ее лицо непроизвольно застыло, а губы вытянулись в ниточку.

За что? За что она меня так ненавидит? Разве можно любить дворовых кудлатых собак и ненавидеть собственную дочь?!

– С чего ты взяла, будто я тебя ненавижу? – холодно спросила Анна, и я поняла, что, оказывается, говорила вслух.

Я усмехнулась и поставила бокал с недопитым соком, который разом стал пресным, на стол.

– А разве вы меня любите? – спросила я, не сводя с нее взгляда.

Анна тоже смотрела на меня, но понять, что за чувство было в ее глазах, я не могла.

– Ты считаешь, что все должны тебя любить просто потому, что ты есть? – она усмехнулась.

– Мне не нужно, чтобы любили все! – кажется, я слишком разволновалась и едва не кричала. – Мне бы хватило вас с папой.

– Ах вот как. Ну, твой папа тебя, конечно, любит, – обдала она холодом – словно ушат ледяной воды на голову вылила.

– Уж побольше, чем вы, – парировала я. – И не уверена, что меньше, чем вас саму.

И вправду, насколько я наблюдала, тепла между ними было примерно столько же, сколько в стылый февральский день. С семьей мне, определенно, повезло.

– О да, он умеет любить. Надеюсь, ты еще успеешь оценить всю его любовь, – Анна пожала плечами и, больше не обращая на меня внимания, пошла вниз по лестнице.

Я молчала. Не стоило вообще начинать выяснение отношений. Ну и что я ожидала услышать? Если бы я была потерявшимся щенком, очевидно, у меня имелся бы шанс, но я – человек, и в шансах мне отказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nevolina_ekaterina/ten-v-zerkale

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)